

кального жизненного опыта, так и мы следуем за ним в этом «челночном движении», стараясь обнаружить общие нарративные структуры и места их разломов в заводской (авто)биографии.

Список литературы и источников

Аникеева М. С. Работа на телефонной станции // Фонд первостроителей Уралмаша. Музей истории Уралмашзавода.

Белик В. П. УЗТМ 50 лет. 1983 // Фонд первостроителей Уралмаша. Музей истории Уралмашзавода.

Будаев Э. В. Недостающее звено дискурс-анализа: контекстуальные модели Т. ван Дейка // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 153–155.

Грамотчикова Н. Б., Енина Л. В. Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша // Научный диалог. 2020. № 7. С. 55–75. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-55-75>

Зевелева О. И. Биографический метод и критический дискурс-анализ: перспективы сочетания // Социология. 2014. № 39. С. 7–39.

Тун-Хоенштайн Ф. В лаборатории советской биографии: Серия «Жизнь замечательных людей». 1933–1941 гг. / Ф. В. Тун-Хоенштайн // Человек и личность в истории России. Конец XIX — XX век (ред. Хелльбек Й., Михайлов Н.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. — С. 437–452.

Юрчак А. Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: НЛО, 2014.

УДК 930.25

Р. Деген

СОВЕТСКИЕ И РОССИЙСКИЕ АРХИВЫ НА СТРАНИЦАХ „ARCHEIONA” – СТАРЕЙШЕГО ПОЛЬСКОГО ЖУРНАЛА ПО АРХИВНОМУ ДЕЛУ

В статье представлен образ советских и российских архивов в материалах старейшего польского журнала по архивному делу – «Архион». Польские авторы, используя опыт посещения советских и российских архивов, приводят сведения о составе фондов центральных государственных архивов СССР (федеральных государственных архивов РФ), а также некоторых региональных архивов, характеризуют организацию работы архивной службы СССР и России, условия работы исследователей. Показаны изменения в восприятии российских архивов до и после Второй мировой войны, а также на современном этапе.

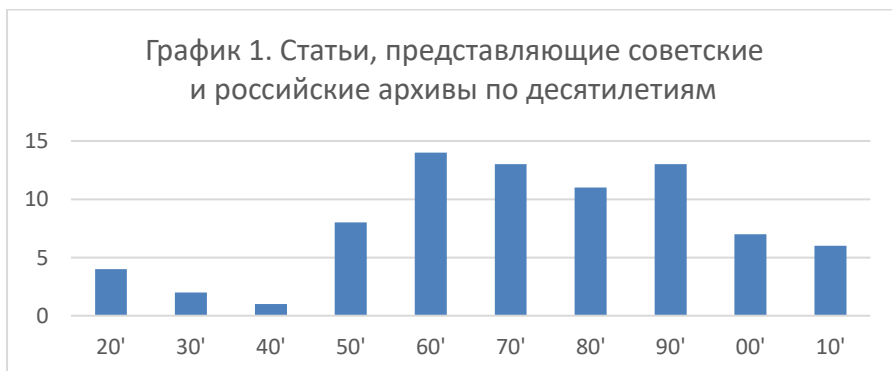
Ключевые слова: архивное дело, архивисты, архивное законодательство, российские архивы, советские архивы, «Архион», Польша, СССР, Российская Федерация.

«Archeion» (далее «Архион») – старейший польский журнал по архивному делу [Kuczyński, 2000, s. 11–15]. Его история восходит к середине 20-х годов XX в., когда в Управлении государственных архивов возникла мысль выпускать периодическое издание под названием «Przegląd Archiwalny» [Архивное Обозрение]. Данную идею удалось воплотить довольно быстро, потому что первый том, уже «Архиона», был напечатан в конце 1926 г. Учитывая, что распространить журнал до 31 декабря не

представлялось возможным, редколлегия решила датировать первый том 1927 г. С того времени было издано 120 томов: 16 до и 104 после Второй мировой войны. Идея редколлегии заключалась в том, чтобы страницы журнала были открыты для публикаций текстов, касающихся основных проблем архивоведения. До 1939 г. «Архион» был изданием, где обсуждались наиболее серьезные теоретические и методические вопросы, а изданный в 1951 г. том 19-20 многие годы считался польским учебником по архивному делу. С самого начала в «Архионе» публикуются сведения о деятельности польских и зарубежных архивов, регулярно появляются обзоры содержания мировых изданий по архивному делу и рецензии литературы по данной тематике.

Цель выступления заключается в том, чтобы представить образ советских и российских архивов на страницах «Архиона». Данный образ (до распада СССР) включает в себе также и сведения об архивах советских республик, которые с 1990 г. стали независимыми государствами. С начала 1990-х годов речь идет только об архивных учреждениях Российской Федерации (РФ). Источником, что очевидно, являлись статьи, опубликованные на страницах «Архиона». Задача состояла в том, чтобы идентифицировать все работы, которые содержали какую-либо информацию об архивах, их фондах, об организации и функционировании данных учреждений, а также отдельные научные исследования и доклады о командировках и конференциях, где будущие авторы «Архиона» встречались с российскими коллегами. В основу рассуждений не вошли теоретические и методические тексты, которые трактовали применение решений архивистов СССР и РФ.

На протяжении почти столетней истории «Архиона» в нем было напечатано 79 статей, в которых появились сведения о советских и российских архивах. Подавляющее большинство было опубликовано после 1945 г.

Авторами данных работ было 55 человек, но наибольшим количеством статей, описывающих российскую реальность, могут похвалиться:

– Хенрик Альтман – 6 [Altman, 1966; Altman, 1958a; Altman, 1963; Altman, 1959; Altman, 1958b; Altman, 1968];

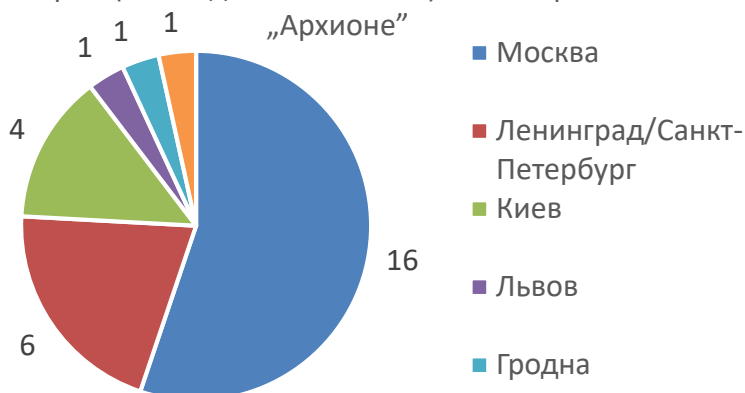
– Эва Росовска – 5 [Rosowska, 2000a; Rosowska, 2000b; Rosowska, 2000b; Rosowska, 2002; Rosowska, 2013];

– Петр Баньковски и Херман Рапппорт – 4 [Bańkowski, 1965; Bańkowski, 1964; Bańkowski, 1967; Bańkowski, 1966; Rappaport, 1964; Rappaport, 1966; Rappaport, 1965; Rappaport, 1968].

Среди авторов, пишущих о российских архивах, были также граждане СССР и Российской Федерации, но их не много, всего семеро: А. Артизов, Л. Буслова, А. Елпатьевский, Г. Енш, И. Карпеев, В. Козлов и В. Михайленко. Помимо их текстов, трижды в «Архионе» появлялись статьи, переведенные с русского, в которых авторы не указывались. Это была переведенная статья «Архивы» из «Большой Советской Энциклопедии» (Т. III, 1950) [Archiwa w Związku, 1955, s. 97–119], краткое сообщение о советских архивах, опубликованное на страницах «Известий» [O polepszeniu, 1979, s. 315], а также доклад, подготовленный Главным архивным управлением, на тему использования фонда советских архивов в народном хозяйстве [Z praktyki, 1989, s. 273–280]. Значительная часть наблюдений об архивах была основана польскими авторами на опыте, полученном за время 29 поездок в СССР и Россию¹. Чаще всего архивисты Польши посещали московские архивные учреждения - 16 раз. Целью были прежде всего визиты в Главное архивное управление, Центральный государственный архив кино- фоно- фотодокументов, Центральный государственный военно-исторический архив и Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. Второй по популярности целью поездок был Ленинград (Санкт-Петербург). Сведения о располагающихся там архивах – Центральном государственном историческом архиве и Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота — были представлены в результате 6 посещений, два из которых пришлось на 30-е годы XX в.

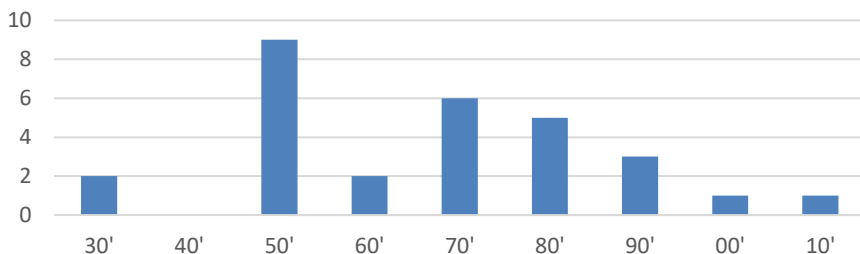
¹ В данной статистике не учтены выезды в архивы Москвы и Иркутска в 90-е годы XX века, которые были связаны с поисками документов по Катынскому преступлению. Из статей, напечатанных в „Архионе” не ясно, сколько их было.

График 2. Города и количество посещений архивов СССР и РФ архивистами из Польши, впечатления которых (после данных визитов) были отражены в „Архионе“

Девять упоминаний о путешествиях относятся к 50-м годам XX в. Интересен факт, что польские авторы «Архиона» посещали в то время архивы Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Гродна и Вильнюса, а с 1970-х годов поляки путешествовали прежде всего в Москву.

График 3. Визиты в советских и российских архивах по десятилетиям

Конечно же, не только личные впечатления позволили польским архивистам создавать образ архивов СССР и РФ. Значительная часть информации является результатом научных исследований по фондам и

организации советских/российских архивов. Благодаря исследованиям регулярно публиковались работы, посвященные изменениям в архивной сети стран Союза и РФ, архивному законодательству и хранящимся материалам. В последней группе достаточно редко можно столкнуться с подробными — даже с общими — обзорами фондов отдельных архивов. Чаще всего это работы, касающиеся *полоники*, которые бывают очень подробными¹. Уникальным, в некотором смысле, текстом является характеристика архивов Азербайджанской Советской Социалистической Республики в 80-х годы XX в. [Chodubski, 1990, s. 133–148] В работе кратко охарактеризованы все центральные архивы республики, а также Центральный государственный архив Нахичеванской Автономной ССР и Областной государственный архив Нагорно-Карабахской Автономной области.

Первые упоминания о советских архивах (и сами же архивы) появились уже в первом томе «Архиона», в связи с дискуссиями на тему ревиндикации² и выполнения статей Рижского договора относительно архивного вопроса [Białkowski, 1927, s. 61–65; Siemieński, 1927, s. 33–60; Suchodolski, 1927, s. 66–78].

Витольд Суходольски поражался тому, как из советских архивов и работающих там архивистов был создан инструмент для борьбы с возрождающимся Польским государством. Описывая выполнение XI статьи Рижского договора, он заметил, что первоначально в польских кругах царило убеждение, что Советская Россия не будет слишком препятствовать выдаче «таких малоценных в материальном плане предметов, как архивы» и документации учреждений, уничтоженных революцией [Suchodolski, 1927, s. 67–68]. Тем не менее в данном вопросе возникло неожиданное сопротивление. Материалы ведомств, эвакуированных из Царства Польского в 1915 г. — конечно, в той степени, насколько они уцелели — были включены в состав фондов советских архивов. Их передача Польше могла бы укрепить государство и позволила бы упорядочить правоотношения. Вторым источником трудностей в процессе ревиндикации был, по мнению Суходольского, «былой царский архивариус или былой историк, ученый, оставленный на службе советскими властями, обремененный традиционной ненавистью и тенденциями к аннексии по отношению к Польше» [Suchodolski, 1927, s. 68].

Таким образом, первое, более полное представление о советских архивах было сформировано относительно быстро — уже в 1928 г. Также упомянутый ранее Суходольски представил организацию архивов в СССР на основании декрета, выданного Всероссийским Центральным Исполнительным

¹ Примером тематического архивного каталога является статья: *Rosowska E.* Varsaviana w Rosyjskim Państwowym Archiwum Historycznym..., s. 129–151.

² Ревиндикация в Польше (1918—1939) — процесс уничтожения или передачи части имущества Польской православной церкви в собственность Римско-католической церкви или местных властей.

Комитетом от 30 января 1922 г., и используя материалы первого съезда работников архивов Советского Союза в марте 1925 г. [Suchodolski, 1928, s. 71–83].

Без всяких сомнений, для Суходольского, как и для большинства польских архивистов, советские архивы были чем-то совершенно исключительным. Автор начал свой текст с пояснения, что архивный порядок в Советской России основан на чем-то доселе в мире невиданном, то есть на централизации архивов, к которой привела полная национализация архивных фондов. Советский архивный порядок являлся для него отражением своеобразной конструкции советского строя, носил явный политический характер, который радикально отразился на личном составе как руководителей, так и архивных работников.

Примененный в СССР принцип связи архивов с центральными органами управления государства и республик, Суходольски считал верным и логичным, однако он не был убежден в правильности финансирования территориальных архивов из местных бюджетов существовавших тогда губерний. Он отметил, что это негативно сказалось на трудоустройстве архивного персонала, который был сокращен на 25 %, и мизерных субсидиях на административно-материальные цели. В качестве примера он привел губернский архив во Владимире, который в 1923 г. должен был получать в месяц 2 руб. 40 коп. на данные расходы.

Характеризуя деятельность советских архивов, Суходольски отметил работу, проделанную для спасения архивных материалов, произведенных до осени 1917 г., противопоставляя действиям революционных властей работу архивистов. Первые, в хаосе революции, стремились сохранить политическую документацию прежнего режима, а вторые - кропотливо, зачастую безуспешно, в связи с возникшими потерями, старались сохранить оставшиеся архивные материалы. Из всего этого Суходольски сделал вывод, что «Сегодня можно смело сказать, что Центрархив является признанным хозяином архивов всей России» [Suchodolski, 1928, s. 79–80]. Суходольски указал на изменения в личном составе архивных работников, которые проводились по политическим причинам. Он не стал давать оценку данному процессу, ссылаясь лишь на слова Максакова, заявившего, что трудности при передаче политических и военных архивов обусловлены отсутствием интереса правительства к лояльности беспартийных работников архивов. Поэтому, по мнению Суходольского, понятен внезапный процентный прирост коммунистов среди руководителей советских архивов в 1924 г.: с 5,5 % до 67 %. Как главную особенность архивов СССР того периода Суходольски отметил стремление использовать архивный фонд в пропагандистских целях и политической борьбе, написав об этом без комментария лишь: «Этого коммунисты никогда не скрывали» [Ibid, s. 80].

Образ советских архивов на страницах «Архиона» изменился после Второй мировой войны и общественно-политических преобразований, которые тогда произошли в Польше. Опыт, свойственный российской архивной действительности, появился также и в польской, которая, будучи уже социалистической, должна была придать своим архивам правильную научно-политическую роль. Предвестием нового отношения к советским архивам и советской архивоведению стал текст по случаю 30-летней годовщины архивной реформы в СССР [Bachulski, 1948, с. 296–299]. Алексей Бахульски, основываясь на статье из журнала «Вопросы истории», обобщил ход конференции, состоявшейся в Москве 16 и 17 августа 1948 г. Подытоживая свои рассуждения, он писал: «хочу подчеркнуть, что наше архивоведение, с большим интересом следила за развитием советского архивного дела. Архивная литература СССР трижды обсуждалась в «Архионе», а организации архивов была посвящена специальная статья. Периодическое издание «Архивное Дело», издаваемое от 1923 г. и в 1941 г. доведенное до 58 выпусков, объемом затронутых проблем в масштабах, невиданных ни в одном государстве, неоднократно побуждало к пересмотру работ» [Bachulski, 1948, s. 299].

В новом образе советские архивы уже не были инструментом, который использовался для борьбы с Польшей и ее интересами. Не было возврата к теме трудных переговоров по вопросам ревиндикации 1920-х и 1930-х годов, но обращалось внимание на проявления доброй воли советских революционных властей. В этом контексте даже упоминался декрет Совета Народных Комиссаров от 30 января 1918 г. об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу [Pięćdziesiąt lat, 1968, s. 9–10].

О надлежащем восприятии советских архивов позаботился Рафал Гербер, опубликовав в упомянутом ранее томе 19-20 «Архиона» обширную статью под названием «*Советские архивы*» [Gerber, 1951, s. 283–337]. Они должны были быть образцом, а их опыт и пример должны были помочь польским архивистам избежать ошибок, которые наблюдались в первые годы деятельности советских архивов, это поможет нам решить новые научно-организационные и методические вопросы, которые до сих пор не были затронуты в нашем архивоведении [Ibid, s. 283].

Представленные Гербером архивы СССР были полем героической борьбы между старым и новым порядком, борьбы с контрреволюцией и классовым врагом. Боем за правильную организацию архивной сети, фактическую концентрацию государственного архивного фонда, за прекращение неконтролируемого уничтожения документов, боем, который, к счастью, был завершен. Подводя итог историческому очерку о советских архивах, Гербер отметил, что современная ему сеть состоит из 56 центральных архивов, 18 государственных архивов в автономных и

национальных округах, 183 краевых и областных архивов и более 4 тыс. районных, которые в 1950 г. хранили свыше 140 млн дел. По его мнению, эти цифры свидетельствовали о том, что: «советские архивы в благоприятных условиях, благодаря помощи правительства СССР, выросли до размеров, о которых не могут и мечтать архивы капиталистических государств» [Gerber, 1951, s. 318].

Тон, в котором Гербер представил советские архивы, был уместен в ту эпоху, когда данная статья была написана, но все же до падения коммунизма, архивы СССР являлись эталоном для польских, а тем более, что, как в конце 70-х годов прошлого века написал Тадеуш Валихновски, советские архивы являлись в то время самыми богатыми в мире. Надлежащая забота государства об архивах привела к тому, что в СССР увеличился круг пользователей (отечественных и зарубежных), поднялся социальный статус профессии архивиста. Было спасено и сохранено от забвения много памятников истории советского государства. Международное архивное сотрудничество Главного архивного управления при Совете Министров со многими государствами во всем мире ценится широким кругом научных сотрудников [Walichnowski, 1979, s. 171].

Советский опыт и достижения архивоведения Страны Советов склонили польских архивистов постулировать необходимость повышения квалификации путем позволения им проходить (как минимум) трехмесячную стажировку в государственных архивах и специализированных учреждениях СССР, особенно в Московском историко-архивном институте [Dermin, 1975, s. 210].

Результатом поездок, имеющих учебный характер, является, например, характеристика функционирующей в СССР системы формирования архивного фонда. Ее автором стала Данута Роцка, которая посетила московские архивы летом 1977 г. По ее мнению, концепция формирования государственного архивного фонда в СССР исходила из верного принципа положительного отбора. Рока согласилась, что для отбора необходимо выработать единую советскую систему делопроизводства, она высоко оценила метод отбора фондообразователей и сосредоточение надзора только над теми учреждениями, которые производят материалы, квалифицируемые на постоянное хранение. Похвальным, по мнению польской архивистки, является строгий контроль за состоянием документации, передаваемой из организационных подразделений в текущие архивы учреждения, а также стремление принимать на службу в ведомственные архивы высококвалифицированный персонал, потому что только специалисты могут правильно подготовить материалы для государственных архивов [Rocka, 1979, s. 231–232].

Архивисты, которые читали последующие тома «Архиона» и знакомились с советскими архивами, могли лишь догадываться о недостатках

и недочетах, с которыми приходилось сталкиваться их советским коллегам. Такой «пищей для размышлений» мог быть, например, перевод коммюнике, напечатанного в одном из ноябрьских номеров «Известий» в 1978 г. [O polepszeniu, 1979, s. 315]. В сообщении говорилось, что Совет Министров СССР предназначил дополнительные средства на оснащение центральных архивов аппаратурой, необходимой для внедрения автоматизированной системы поиска документов. Однако, в том же постановлении говорилось о необходимости совершенствования организации архивных работ, надобности контроля за учетом архивного фонда, качества его обработки и сохранности материалов.

Вехой, которая могла повлиять на образ российских архивов, стали преобразования конца 80-х годов XX в. и распад Советского Союза. Нельзя сказать, чтобы образ архивов резко изменился, по крайней мере, на страницах «Архиона». В любом случае, после 1989 г. появились научные работы, показывающие без недомолвок ход классовой борьбы и образование новых советских архивов, которые так, без малейшей критики, были представлены Гербером в начале 50-х годов XX в. Некоторые труды освещали данную картину в контексте истории польских архивных материалов, находившихся на территориях, переданных первоначально Литовской Республике либо присоединенных к Белорусской и Украинской ССР [Rosowska, 2003, s. 85–117; Rosowska, 2015, s. 414–434]. Другие работы открыто описывали чистки, проводимые в 1930-е годы в историко-архивном институте в Москве либо деятельность комсомольских организаций в архивах Львова¹.

Представлению в хорошем свете архивов Российской Федерации в начале 90-х годов XX в. способствовало положительное отношение российских властей к рассекречиванию имевшихся материалов, касательно Польши и поляков во время Второй мировой войны, особенно отношение к вопросу о разоблачении Катынского преступления [Skowronek, 1993, s. 14–15]. Первая передача материалов о Катыни произошла в апреле 1990 г., затем — в 1992 г. — наступило подписание соглашения о сотрудничестве между Генеральной дирекцией государственных архивов и Комитетом по делам архивов РФ, и наконец-таки, поиск катынских архивных материалов, проводимый польской Военной архивной комиссией, привел к установлению новых отношений. Комментируя работу над изданием очередных томов «Катынь. Документы геноцида», подчеркивалось активное участие российских коллег, которые усиленно помогали в расшифровке указаний, инициалов и приписей, столь характерных для документации НКВД [Materski, Woszczyński, 2000, s. 15]. Данный положительный образ отдельных историков и архивистов со временем сопровождался нарастанием негативной оценки российских

¹ Данные сведения получены не из отдельных научных исследований, а из доклада на конференции, автор которого очень подробно изложил содержание представленных рефератов [Łosowski, 2018, s. 590–592].

властей, которые пытались убедить польских архивистов в досрочном уничтожении материалов — так называемом белорусском катынском списке [Ibid, s. 16].

Благодаря страницам «Архиона» польские архивисты смогли постепенно создавать новый образ российских архивов. Относительно быстро они ознакомились с новой организацией архивной сети, во главе которой стоял Комитет по делам архивов, 12 центральными архивами, включающими областные, муниципальные и районные архивы [Strykowski, 1995, s. 207]. Они узнали, что с начала 90-х годов XX в. в РФ архивам уделялось много внимания. Так, например, в 1993 г. были приняты основы законодательства об архивных фондах и архивах Российской Федерации, где было заявлено о деполитизации архивов с гарантией равных прав для всех пользователей архивов, независимо от их политической, религиозной и государственной принадлежности [Krajewska, Stepniak, 1995, s. 202].

В конце 90-х годов XX в. Россия представлялась как государство, имеющее современную законодательную базу в области архивоведения, которая, однако, сталкивается с «барьерами в исполнительной сфере (не только в экономическом плане)» [Rosowska, 2000, s. 278]. Тем не менее к этому времени в России для архивов уже имелся план действия по их информатизации. Он предполагал, кроме прочего, разработку компьютерного программного обеспечения с целью ведения центрального архивного учета, оснащения государственных архивов необходимым количеством компьютерного оборудования, проведением научно-исследовательских работ, а также работ по оцифровке архивных документов [Rosowska, 2002, s. 371].

Во втором десятилетии XXI в. в российской архивной действительности начался прогрессирующий процесс либерализации принципов доступа [Wojtkowski, Zawilski, 2013, s. 472]. Популярным стало предоставление к использованию фонда через интернет, в режиме онлайн, который поддерживается специальной информационной системой, где можно отслеживать ход выполнения удаленно заданных вопросов [Laszuk, 2016, s. 591, 594].

Помимо общих наблюдений, описывающих современную сеть российских архивов, на страницах «Архиона» можно было ознакомиться с процессом доступа в читальном зале одного из российских архивов — Российского государственного военно-исторического архива в Москве. Это всего лишь один пример, конечно, не показательный, но представленный глазами иностранца. Если бы обобщить его до масштаба хотя бы столичных читальных залов, то возникает картина архивов, которая некоторым образом, не диаметрально, отклоняется от стандартов даже архивов в Польше. Можно сказать, что научные читальные залы российских архивных учреждений характеризуются многочисленным посещением. Планируя работу, необходимо приходить в них как можно раньше, так как уже к 10 часам утра

нет свободных мест, а более просторно становится где-то за 2 часа до закрытия. Пожалуй, в них без проблем – по крайней мере технических — можно было пользоваться оцифрованными материалами, поскольку единственные свободные места в читальном зале в течение всего дня появлялись именно у компьютеров. При получении допуска к материалам в первый раз требуется выполнения ряда формальностей: заполнения на месте двухстраничной, очень подробной заявки и подачи заявления на имя директора о выдаче согласия на использование материалов. Вряд ли можно рассчитывать на получение материалов в день заказа, потому что в нормальном режиме документы выдаются на третий день. К счастью, архивы принимают заявки, отправленные заранее по электронной почте, а заказчики получают в свое распоряжение все забронированные материалы, даже если они не сшиты, подтверждая их прием подписью на бланке. Возврат документов также отмечается на бланке заказа, хотя при сдаче материалов пользователь должен подождать, пока архивист тщательно проверит комплект возвращаемых документов. Дежурные архивисты к соискателям относятся очень официально, во время работы могут их пересаживать, не дают советов и часто отчитывают [Zawilski, 2018, s. 576].

Завершая размышления, я хотел бы несколько слов посвятить архивам восточной части СССР и РФ. Сведения о них не часто появлялись на страницах «Архиона». Как отмечал Петр Баньковский в 1967 г. – впрочем, такой же вывод можно сделать и из моих рассуждений — интерес польских архивистов обычно ограничивался до фондов центральных архивов западных республик [Bańkowski, 1967, s. 131]. Таким образом, с деятельностью и фондами архивных учреждений Восточной России и азиатских советских республик можно было ознакомиться, как правило, благодаря издаваемым в СССР информационным справочникам. Сам Баньковский на базе издания «Личные архивные фонды в государственных архивах СССР» (Москва, 1962) произвел учет документов польских семей и поляков в советских архивах. Единственными, отмеченными в «Архионе» визитами польских архивистов в восточные архивы РФ были, пожалуй, те, которые связаны с поисками документов о катынском преступлении, имевшие место во второй половине 90-х годов XX в. Это архивы Иркутска: Государственный архив Иркутской области и Центр документации новейшей истории Иркутской области [Bartnik, 2000, s. 25].

В ходе поисков все-таки удалось найти три упоминания об архивах Свердловской области. Два взяты из одной статьи, разработанной в Главном архивном управлении СССР, которая была переведена и напечатана в «Архионе». Фонд Свердловского областного архива, как и всех остальных в СССР в 70-е и 80-е годы XX в. — использовался в народном хозяйстве. Архив сотрудничал с Уральским научно-исследовательским институтом сельского хозяйства и для его потребностей предоставлял материалы, касающиеся

структуры посевных площадей и плодородия традиционных растительных культур. Соглашение, подписано между архивом и институтом, предусматривало сбор информации на тему: «Структура посевных площадей, урожайность и глобальные сборы зерновых культур и картофеля на Урале в 1917-1970 годах». Документы, полученные в результате данного запроса, должны были использоваться институтом для разработки рекомендаций по повышению урожайности сельхозугодий в уральском регионе [Z praktyki..., 1989, s. 277-278]. Третье упоминание — это информация о том, что по случаю организованной в Москве весной 2018 г. конференции под названием «The First World War and its Effects on Prisoners of War and Civilians», Петр Завильски из Государственного архива в Лодзи подписал письмо о намерении наладить сотрудничество с управлением архивами Свердловской области [Zawilski, 2018, s. 576].

Приступая к работе над данным выступлением, я не ожидал, сколько усилий мне придется приложить, чтобы выполнить данную задачу. Я понимал, что материалов, которые я возьму за исследовательскую базу, будет много¹, но я не ожидал такого их количества. Из этого следует лишь фрагментарный образ советских и российских архивов, хотя я и старался определить основные черты данного, формирующегося годами, образа. Нет сомнений в том, что данная картина является субъективной — в конечном итоге ведь именно я подобрал оттенки всех красок и сделал набросок. Лучшим доказательством этого является обширная часть самого интересного для меня периода: между Первой и Второй мировыми войнами.

Следует подчеркнуть, что независимо от отношений между двумя государствами, советские и российский архивы были и являются, важным ориентиром для соответствующих архивов в Польше. Польские ученые, архивисты и историки, всегда интересовались организацией и фондами российских архивов, а архивоведение — всеобщая научная дисциплина, не может быть ограничена государственными границами.

Список литературы

Altman H. Archiwalna konferencja naukowa w Kijowie // Archeion. T. 43. 1966. S. 264–268.

Altman H. Czwarta Międzynarodowa Konferencja Okrągłego Stołu Archiwów // Archeion. T. 29. 1958. S. 267–273.

Altman H. Kształtowanie zasobu archiwów państwowych w Związku Radzieckim // Archeion. T. 39. 1963. S. 5–15.

Altman H. Wizyta w archiwach radzieckich // Archeion. T. 30. 1959. S. 191–193.

¹ Проводя аналогичные исследования на тему образа балканских архивов на страницах «Архиона» и пользуясь подобными критериями отбора, мне удалось найти лишь 15 статей. См.: R. Degen, M. Jabłońska, *Archiwa Balkanów w oczach polskich archiwistów*, [w:] *Archiwa, źródła, historia. Prace ofiarowane w siedemdziesiąte urodziny Profesora Władysława Stępnika*, red. E. Rosowska, H. Wajs, Warszawa 2018, s. 79–101.

Altman H. Zadania archiwów w świetle konferencji archiwów w Zagrzebiu // *Archeion*. T. 28. 1958. S. 3–9.

Altman H. Pięćdziesiąt lat archiwistyki radzieckiej // *Archeion*. T. 49. 1968. S. 9–16.

Archiwa w Związku Radzieckim / перевод З. Коланковский // *Archeion*. T. 24. 1955. S. 97–119.

Bachulski A. 30-lecie reformy archiwalnej w ZSRR // *Archeion*. T. 18. 1948. S. 296–299.

Bańkowski P. Dokumenty grodzieńskie do historii rodu Adama Mickiewicza // *Archeion*. T. 42. 1965. S. 99–145.

Bańkowski P. Polskie archiwa magnackie w Centralnym Państwowym Archiwum Historycznym w Kijowie // *Archeion*. T. 40. 1964. S. 161–189.

Bańkowski P. Polskie archiwa osobiste, rodzinne i rodowe, znajdujące się w radzieckich zbiorach państwowych // *Archeion*. T. 47. 1967. S. 131–145.

Bańkowski P. Realia Mickiewiczowskie w aktach Białoruskiego Archiwum Państwowego w Grodnie // *Archeion*. T. 43. 1966. S. 105–122.

Bartnik A. Źródła dotyczące Polaków w byłym ZSRR pozyskane z archiwów rosyjskich // *Archeion*. T. 102. 2000. S. 25.

Białkowski L. Co powinniśmy rewindykować z Kijowa? // *Archeion*. T. 1. 1927. S. 61–65.

Chodubski A. Archiwa Azerbejdżanu // *Archeion*. T. 88. 1990. S. 133–148.

Dermin R. Czwarta konferencja dyrektorów zarządów archiwów państw socjalistycznych // *Archeion*. T. 63. 1975. S. 210.

Gerber G. Archiwa radzieckie // *Archeion*. T. 19–20. 1951. S. 283–337.

Krajewska H., Stępiak W. Seminarium w Wiedniu na temat prawa archiwalnego // *Archeion*. T. 95. 1995. S. 202.

Kuczyński S. Sto tomów czasopisma «*Archeion*» // *Archeion*. T. 101. 2000. S. 11–15.

Laszuk A. «*Colloquia Jerzy Skowronek Dedicata*» 2015 r. // *Archeion*. T. 117. 2016. S. 591, 594.

Łosowski J. Sprawozdanie z międzynarodowej konferencji naukowej „Archiwa w Państwach Totalitarnych w Europie Środkowej i Wschodniej w Lublinie i Sandomierzu, 5–7 września 2018 r.” // *Archeion*. T. 119. 2018. S. 590–592.

Materski W., Woszczyński B. Edycja źródeł «Katyń. Dokumenty zbrodni» // *Archeion*. T. 102. 2000. S. s. 15.

O polepszeniu organizacji i funkcjonowaniu archiwów radzieckich // *Archeion*. T. 69. 1979. S. 315.

Pięćdziesiąt lat archiwistyki radzieckiej // *Archeion*. T. 49. 1968. S. 9–10.

Rappaport H. Polonica od połowy w. XVIII do r. 1918 w zbiorach Centralnego Państwowego Archiwum Akt Dawnych (Centralnyj Gosudarstwiennyj Archiw Drewnich Aktow) w Moskwie // *Archeion*. T. 41. 1964. S. 233–252.

Rappaport H. Polonica od połowy XVIII w. do r. 1918 w zespołach b. Centralnego Państwowego Archiwum Historycznego w Moskwie, a obecnie w Archiwum Rewolucji Październikowej w Moskwie (CGAOR) // *Archeion*. T. 43. 1966. S. 123–138.

Rappaport H. Polonica w aktach III Oddziału Kancelarii Własnej Jego Cesarskiej Mości przechowywanych w byłym Centralnym Państwowym Archiwum Historycznym w Moskwie // *Archeion*. T. 42. 1965. S. 147–162.

Rappaport H. Rewindykowane z ZSRR w r. 1964 akta Pełnomocnika Generał-Gubernatora Warszawskiego do spraw policyjnych z lat 1897–1917 jako źródło do dziejów ówczesnego Królestwa Polskiego // *Archeion*. T. 50. 1968. S. 157–170.

Rocka D. Z problematyki kształtowania zasobu archiwalnego i metod pracy archiwów

radzieckich // Archeion. T. 68. 1979. S. 231–232.

Rosowska E. Pomoc Naczelnej Dyrekcji Archiwów Państwowych ofiarom represji stalinowskich w uzyskaniu poświadczeń w archiwach rosyjskich // Archeion. T. 102. 2000. S. 58–64.

Rosowska E. V Międzynarodowa Konferencja «Udostępnianie archiwaliów w świetle prawa i praktyki Europy Środkowej i Wschodniej» // Archeion. T. 101. 2000. S. 277–279.

Rosowska E. Varsaviana w Rosyjskim Państwowym Archiwum Historycznym (RGIA) w Petersburgu // Archeion. T. 101. 2000. S. 129–151.

Rosowska E. VII Międzynarodowa Konferencja Archiwalna w Warszawie // Archeion. T. 104. 2002. S. 369–373.

Rosowska E. Źródła do repatriacji Polaków z Rosji po traktacie ryskim // Archeion. T. 114. 2013. S. 297–306.

Rosowska E. Losy polskich archiwaliów na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej (1939–1945) // Archeion. T. 106. 2003. S. 85–117.

Rosowska E. Dzieje dokumentacji polskiej na Kresach Północno-Wschodnich w latach 1939–1945 // Archeion. T. 116. 2015. S. 414–434.

Siemieński J. Rewindykacja archiwów koronnych. Przygotowanie naukowe i wyniki // Archeion. T. 1. 1927. S. 33–60.

Skowronek J. Międzynarodowa współpraca archiwalna: cele – nadzieje – trudności // Archeion. T. 92. 1993. S. 14–15.

Strykowski K. Seminarium: Organizacja archiwów państwowych w krajach Europy Wschodniej // Archeion. T. 95. 1995. S. 207.

Suchodolski W. Wykonanie art. XI Traktatu Ryskiego w zakresie archiwów państwowych // Archeion. T. 1. 1927. S. 66–78.

Suchodolski W. Organizacja archiwów w Rosji Sowieckiej // Archeion. T. 3. 1928. S. 71–83.

Walichnowski T. Radziecki dekret o reorganizacji archiwów // Archeion. T. 67. 1979. S. 171.

Wojtkowski R., Zawilski P. XII Konferencja EURASICA 2010 w Taszkencie, // Archeion. T. 114. 2013. S. 472.

Z praktyki wykorzystywania zasobu archiwów państwowych Związku Radzieckiego w celach gospodarczych, перевод. М. Tarakanowska // Archeion. T. 86. 1989. S. 273–280.

Zawilski P. Sprawozdanie z wyjazdu na konferencję „The First World War and its Effects on Prisoners of War and Civilians”, Moskwa, 10–11 kwietnia 2018 r. // Archeion. T. 119. 2018. S. 576.

УДК 930.253

Н. В. Елизарова

ФОНДЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ИСТОРИКА-АРХИВИСТА

В статье на примере Исторического архива Омской области анализируются архивные фонды личного происхождения историков-архивистов; более подробное внимание уделяется анализу фонда архивиста Н. В. Горбаня. Раскрывается специфика архивных документов как объ-